

Интервью с Пабло Рамосом Санчесом

Interview with Pablo Ramos Sánchez

Пабло Рамос Санчес родился 25 января 1937 г. в Гран-Чако (Боливия). Во второй половине 50-х годов в свои студенческие годы включился в политическую жизнь, был одним из лидеров студенческого движения партии Националистическое революционное движение (MNR), был одним из основателей лево-радикального движения Спартак. В 1970 г. во время так называемой университетской революции стал ректором столичного университета. В качестве генерального секретаря Спартака был одним из основателей и лидером Левого революционного движения (MIR), являясь ярким представителем «новых левых». В период военных диктатур 70-х находился в эмиграции. В 80-90-е годы был избран ректором университета Ла-Паса. Сотрудничал с правительством Эво Моралеса, в 2008-2010 г. был главой (интендантом) департамента Ла-Пас. С 2017 по 2019 г. являлся председателем Центрального банка Боливии. Автор многочисленных научных и публицистических работ, в частности, *Temas de la economía boliviana* (1977), *Siete años de la economía boliviana* (1982), *El neoliberalismo en acción* (1986) и другие.

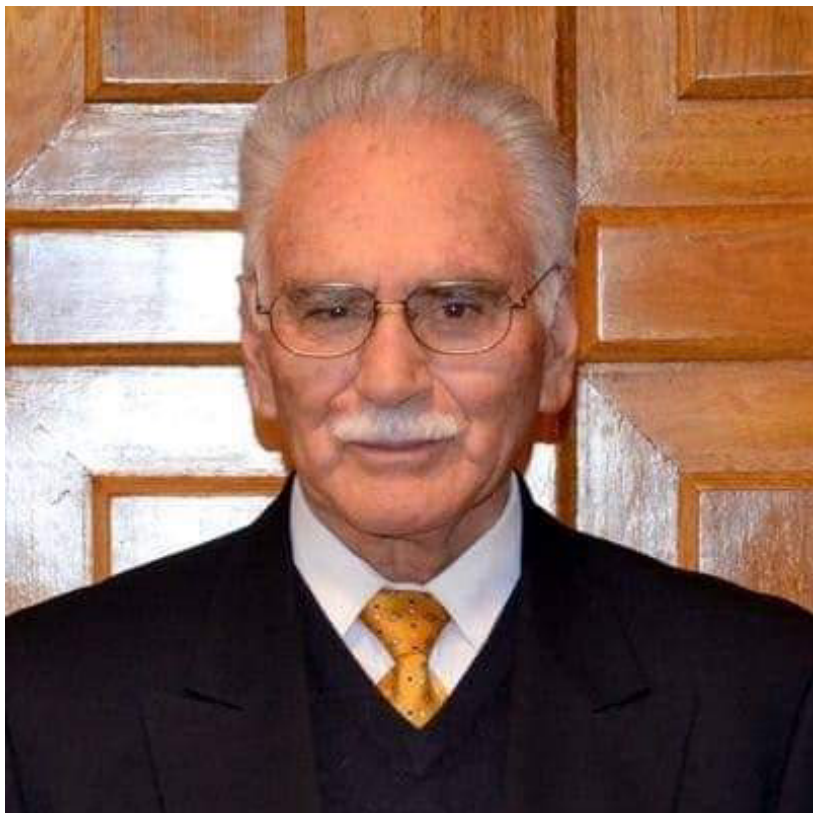
ИЗ ИСТОРИИ БОЛИВИЙСКИХ ЛЕВЫХ

Запись разговора 8 сентября 2020 г.

Интервьюер А.А. Щелчков

Вопрос: Ярким явлением на левом фланге Боливии в бурные 60-е была группа Спартак, одним из лидеров которой Вы были.

К сожалению, нет написанной истории левых партий в Боливии. Попробуем восполнить, хотя бы отчасти, эту лакуну. Как возникла эта группа?

Ответ: Революционное движение Спартак возникло сначала как группа по изучению социальных процессов в рамках Молодежной и студенческой организаций Националистического революционного движения (Movimiento Nacionalista Revolucionario – MNR). Побудительной причиной появления этой группы, состоявшей в основном из интеллигенции и нескольких рабочих руководителей, было осознание того, что в ходе процесса Национальной революции и в самом руководстве революцией

происходило отклонение от ожидаемого, появление неудовлетворенности, особенно заметной среди интеллигентов и университетской молодежи, которые обратились к изучению теории и практики революций. Речь шла об изучении революционных теорий, которые не были включены с университетский курс обучения. В этой группе мы изучали такие книги как «Введение в марксистскую философию», учебник по историческому материализму Константинова, затем изучали важнейшую книгу – советский учебник по политэкономии. Таким образом наша группа Спартак, созданная внутри MNR, постепенно занимала все более критическую позицию в отношении правительства и его линии в революционном процессе. Наша группа возникла в конце 50-х – начале 60-х годов, и когда проявились серьезные противоречия с MNR, члены группы постепенно были вынуждены перейти на полуподпольное положение. Группа издавала газету, которая имела большой политический резонанс среди интеллектуалов и внутри партии MNR. Позднее мы стали выпускать журнал «Espartaco», который составил целую эпоху, став глашатаем революционной мысли, претендовавшей выйти за рамки революционного национализма, в котором мы разочаровались и искали новые формулы в марксизме не только как в методе интерпретации действительности, но и как руководства к действию. В середине 60-х наша группа выросла до движения, революционного движения Спартак. К нам присоединились не только интеллектуалы, но рабочие руководители, горняки, и мы приобрели общенациональное значение. Этому процессу способствовало участие таких интеллектуалов как Амадо Канелас Орельяна, который был видных писатель, публицист, автор многих книг. Он сделал много для издания журнала «Espartaco». Вышло много номеров, он выходил раз в месяц, там были статьи, анализирующие национальную действительность. Среди лидеров были руководитель Молодежной организации MNR Альберто де ла Барра, руководитель Университетской молодежи MNR Альфредо Руа Бехарано, Пабло Рамос Санчес, Рене Меркадо Риос, Рауль Рибера Фернандес, Роберто Сентельо Мальдонадо, Серхио Коста Соса, Карлос Кордоба, братья Хисберт, писатель Вальтер Хисберт Барриос и Октавио Хисберт Пас, который и был

директором журнала. Мы тогда уже действовали полуподпольно, но вскоре и вовсе перейти на нелегальное положение после переворота и установления диктатуры Рене Баррьентоса в 1964 г. В начальном развитии группу к движению, которое критически воспринимало стратегию и тактику процесса Национальной революции.

Амадо Канелас был корреспондентом кубинского агентства «Prensa Latina». Также он работа в нашем журнале. Он занимался всеми техническими вопросами издания, у него был большой опыт в этой области. Позднее на наших собраниях принял участие признанный интеллигент Рене Савалета Меркадо. Ядро же наших сторонников принадлежало еще структурам MNR, но уже отделившиеся от этой партии и в конце концов порвавшей с ней.

В. Какими были отношения с компартией, с прокитайской компартией (КП м-л), с троцкистами из Революционной рабочей партии (POR)?

О. Задачей нашего движения было достижение единства левых сил. Это была масштабная задача. И у нас отношения с левыми организациями были тесными. Мы были очень близки с прокитайской компартией, прежде всего в области теории, анализа национальной реальности, с различными фракциями POR (POR-Masas Г. Лоры, POR Гонсалеса, POR Варгаса). POR раскололась на множество групп, но мы сотрудничали со всеми, искали формулу интерпретации национальной действительности и формы действий в отношении этой реальности и касательно нашей работы в профсоюзах. Мы часто встречались с ними для обсуждения совместных действий. Некоторые товарищи предлагали вступить в компартию, так как более всего считали её нам близкой. Тем не менее в нашем движении победила точка зрения работать самостоятельно, создавая новые кадры, чтобы продолжить процесс прерванной Национальной революции. У нас были хорошие отношения с Гильермо Лорой, без конфликтов, но при разном подходе к интерпретации, с разным теоретическим подходом, но даже в этих условиях искали пункты совпадения и пытались действовать совместно.

В. Каково было отношение в Спартаке к фокизму и к Армии национального освобождения (ELN)? Как складывались отношения с кубинцами?

О. К 1967 г. в Спартаке возникло течение сторонников вооруженной борьбы. У нас были очень долгие споры. Тогда в Боливии была диктатура, и в марте 1967 г. возникло партизанское движение, что усилило дискуссию о вооруженной борьбе. Однако большинство считало, что конкретные условия Боливии, социально-политическая реальность страны, тот факт, что в стране недавно победила Национальная революция, только политическая борьба и борьба масс являются актуальными, так как вооруженная борьба может быть кульминацией процесса, однако не в тот момент. Мы стояли за политическую борьбу. Мы знали, что герилья в Ньянкауасу ведет борьбу, но мы тогда не знали, что там находится Че Гевара. Кое-кто хотел присоединиться к герилье, у нас некоторые члены были арестованы. Не было систематического, организованного участия Спартака в герилье. Мы поддерживали герилью, искали каналы связи с ней, но безуспешно. Нашим доминирующим трендом была политическая борьба, борьба масс, а вооруженная борьба допускалась только, когда другие формы были бы исчерпаны или невозможны. Мы много спорили о теории партизанского очага. У нас было много претензий к этой теории, к фокизму. Мы видели, что в условиях Боливии есть много препятствий для герильи. Мы были очень скептически настроены в отношении фокизма. Мы считали, что борьба масс является главной задачей в Боливии, что определялось зрелостью рабочего класса, горняков и фабричных рабочих. Мы работали над единством трудящихся классов в политической борьбе, что открывало двери к революции. Некоторые наши товарищи попытались присоединиться к ELN, но не смогли. В любом случае, это были индивидуальные решения, а позиция партии.

Что касается Кубинской революции, с самого начала мы её поддерживали во всем. Мы поддерживали герилью Фиделя, Камило и Че Гевары, мы здесь в Боливии защищали постулаты

революции 1957-1958 гг. Спартак решительно поддержал Кубинскую революцию и во время ракетного кризиса и до него во время Плайи-Хирон. Мы проводили манифестации и другие уличные акции по поддержке Кубы. Дело доходило до вооруженных конфликтов с правыми, а некоторые наши товарищи были вынуждены уехать из страны. Мы создали свою ячейку в Гаване. Одним словом, наши отношения с кубинской революцией руководствовались не только симпатией, но и принятием принципов кубинской революции и других революций на континенте. У нас было много стипендиатов в Кубе, которые учились на Кубе. Мы были очень близки Кубе.

В. Ваше отношение к национализму.

О. Что касается революционного национализма и национализму вообще, то Спартак вышел из его лона, но поставив под сомнение его теорию и практику, хотя сразу надо признать, что нет такой теории как революционный национализм. Последний является ничем иным как историческим опытом и определенной политической практикой. Тем не менее, главные элементы анализа, которые привнес революционный национализм и свершения революции 1952 г., ставившая задачу национального освобождения и национальной независимости, достигаемые через проведение глубоких преобразований, что порой называют буржуазно-демократическими, а именно национальной интеграции, производственной диверсификации, продовольственного самообеспечения, уравновешенного регионального развития, и принятия таких реформ как аграрная, расширение общественного сектора производства. Одним словом, Национальная революция, то есть революционный национализм создал условия, что в Боливии наконец появился комплекс стратегических предприятий в нефтяной отрасли, в горнорудном секторе, в электродобыче, плюс транспорт, которые создали основы для современной экономики. Национальная революция выполнила задачи определенного исторического этапа, и была необходима. Так считал Спартак. К сожалению, этот процесс освобождения постепенно стал контролироваться извне империализмом. Однажды президент

Пас¹ мне лично, когда я был студенческим руководителем, сказал, что мы даже не представляем себе, как империализм действует из-за кулис. Он контролировал революционный национализм, что было ясно по ряду акций. Идея союза классов была в центре концепции революционного национализма, то есть речь шла о союзе рабочего класса, крестьянства и средних слоев. Тогда не было буржуазии, так как национализация олова и аграрная реформа полностью ликвидировала крупную горнорудную буржуазию и класс помещиков. Национальная буржуазия была слаба, и MNR ставила задачу создать национальную буржуазию, но у нее не получилось – классы не появляются волей правителей, это продукт истории. Провал MNR в политике перераспределения дохода в пользу создания национальной буржуазии демонстрировал, что союз классов – это не то, что может принести углубление национальной революции. Нужно было задуматься над формированием иной оси рабочий класс – крестьянство – средние слои. Мы все более видели ограниченность революционного национализма, который не вел к углублению революции, а его лидеры все более отходили от целей революции и действовали в интересах империализма и господствующих классов внутри страны. Это подтолкнуло нас перейти от национализма к марксизму, то есть к убеждению, что для Боливии был необходим переход к социализму. Это был наш вывод: движение к социализму через необходимые этапы в соответствии с условиями нашей страны, отсталой прежде всего. Социализм – это неизбежная фаза нашей истории. Так мы перешли от национализма к социализму, а проблема пути к нему, форм борьбы и движения стала обсуждаться позже.

В. Каково было отношение Спартака к СССР? Какую роль сыграла интервенция в Чехословакию в 1968 г.?

О. Спартак всегда симпатизировал СССР, но также и Китаю, китайской революции, Вьетнаму, как и всем борющимся за

¹ Виктор Пас Эстенсоро, лидер MNR, президент страны 1952-1956, 1960-1964, 1985-1989.

освобождение, например, Алжиру, Кубе. На международной арене мы поддерживали движения за национальное освобождение и все процессы перемен. Что касается СССР, то мы ориентировались и поддерживали его с идейной точки зрения, так как его вклад в формирование революционной мысли было огромным. Кроме того, для нас большое значение имел опыт планирования для организации экономики, так как только плановая экономика нам представлялась возможной формой функционирования хозяйства, способной вести вперед развитие страны. Мы видели в планировании основу социалистической организации общества. Конечно, была и критика советской бюрократии и слишком жесткой позиции по некоторым вопросам в СССР, но в целом с точки зрения организации производительных сил мы поддерживали советскую модель и процессы там. Также с огромной симпатией мы относились к китайским процессам, а позднее и к Вьетнаму. Для нас главную роль играл принцип общественной собственности на средства производства. К тому же мы видели солидарность СССР с нами как со страной. Я помню, что СССР при Хрущеве предложил построить в Боливии завод выплавки олова, ведь Боливия вывозила руду, не перерабатывала ее на месте. Мы боролись за индустриализацию как основу развития общества, в чем тоже ориентировались на советскую историю и опыт.

Проблема Чехословакии не имела большого значения, мы никогда серьезно не обсуждали эту тему. У нас было мало информации о том, что происходит в ЧССР. Для нас первую роль играл вопрос единства социалистического лагеря, поэтому мы с большим недоверием относились ко всему, что могло разрушить это единство. Так что у нас толком не было никакой позиции в отношении чехословацких событий 1968 г. Мы поддерживали линию СССР на сохранение единства социалистического лагеря.

В. Как был создан МИР², как к этому присоединился Спартак?

² Левое революционное движение – Movimiento de Izquierda Revolucionaria

О. Неверная постановка вопроса. Спартак ни к кому не присоединялся. Спартак создал МИР. В 1970 г. мы думали над тем, что пришло время из движения интеллигентов перейти на более высокий уровень организации, то есть к созданию партии. Мы сознавали, что партия предполагает некоторые ограничения для членов и участия добровольцев, ограничивает массовый характер движения, отсекает некоторые классы, социальные группы. В этом время внутри христианской демократии появилось молодежное, в основном студенческое течение, которое вскоре выделилось в отдельную партию Революционная христианская демократия (DCR). Также к ним примыкали люди из руководства университетского движения, которые не состояли ни в Спартаке, ни в DCR. Все искали какие-то новые формы организации. Это было общее настроение. В 1971 г. возникла Социалистическая партия Марсело Кироги Санта Круса, которую вошли Альберто Байли, Гильермо Понте, Мария Миранда Пачеко. Это тоже нас подталкивало к созданию партии. Тогда мы стали вести переговоры с DCR и 25 мая 1971 г. пописали документ о создании Комитета революционной интеграции (CIR) МИР. У нас тогда были сомнения в отношении самого названия партии – МИР. Дело в том, что партии МИР существовали в Чили, Перу, Венесуэлы и имели определенную политическую направленность, абсолютизируя вооруженную борьбу, а мы говорили о политической борьбе. Проблема состояла в том, что само название нас могло идентифицировать с вооруженной борьбой, а это было не так. С другой стороны, в Боливии была партия с очень похожим названием, это была первая марксистская партия – Левая революционная партия (ПИР), которая имела трагическую, постыдную историю, когда ее лидеры, начав как левые, закончили в рядах оппортунистов. Нас беспокоило, что нас как МИР могут ассоциировать с ПИР. Два дня до подписания документа о создании CIR 25 мая 1971 г. у меня была встреча с Рио Далесом, где мы обсуждали эти темы и альтернативные варианты. Тем не менее, мы согласились с тем, что стоит принять название МИР. Одной из причин этого был тот факт, что незадолго до этого на университетских выборах мы уже шли под этим именем и одержали впечатляющую победу, ну и не хотели сбрасывать его со счетов. Мы

тогда создали Комитет революционной интеграции – CIR, который должен был подготовить объединительный общенациональный съезд, что было не простой задачей. К сожалению, процесс был прерван августовским переворотом Бансера³. После переворота на нас обрушились репрессии, особенно на университетских руководителей. Я тогда был ректором столичного университета. Мы должны были бежать из страны. А в сентябре 1971 г. оставшиеся в стране члены партии приняли решение, что процесс интеграции завершен, что не соответствовало действительности, так как не были созданы местные организации, связанные в национальном масштабе. И объявили о создании МИР. Руководство до этого состояло из трех человек от DCR (Хорхе Риос Далес, Антонио Аранибар, который затем стал министром иностранных дел, Адальберто Куахара) и трех человек от Спартак (Пабло Рамос как генеральный секретарь, Дульфредо Руа, Карлос Кордоба), а также мы включили небольшую фракцию, маленькую группу так называемых независимых марксистов во главе с Хайме Пасом, но главными организациями были Спартак и DCR. Мы не выходили из МИР, но сразу после переворота Бансера была разделение. Те, кто остался в стране, разработали революционную стратегию МИР, которая отличалась от тех идей, которые мы разделяли при его создании. Новая программа ориентировалась на переворот и захват власти. Мы с этим не были согласны, и отсюда началось разделение: с нами остались Рене Савалета, Адальберто Куахара. Другая часть партии осталась с группой Хайме Паса и Антонио Аранибаром. Было два МИР. Мы в Чили издавали свою газету. Затем произошел переворот Пиночета, и мы вновь должны были искать убежища. Многие уехали в Европу, Перу, Эквадор, Мексику и Аргентину. Все это ослабило наши связи и в целом нашу группу. Но и МИР, который остался за Хайме Пасом и Аранибаром также раскололся на МИР Масас, а затем и на Движение Свободная Боливия.

³ Уго Бансер 21 августа 1971 г. сверг лево-националистическое правительство генерала Х.Х. Торреса, установил жесткую правую диктатуру.

В. Я нашел в нашем архиве (РГАНИ) один документ, в котором боливийские коммунисты яростно нападали на Спартак и заявляли, что журнал Спартака, как и его деятельность финансируются кубинцами. Они настаивали, чтобы кубинцы уволили Амадо Канеласа как представителя Prensa Latina. Не могли бы прокомментировать?

О. Сразу скажу: это ложь, что кубинцы финансировали наш журнал. Я был генеральным секретарем и знаю все детали. Мы финансировали журнал исключительно из взносов, у нас был и есть список людей, которые давали нам деньги для журнала. А прекратили выпуск журнала, так как появились проблемы с финансированием, но мы никогда не получали внешнего финансирования. Действительно, Амадо Канелас был представителем Prensa Latina и получал свою зарплату от кубинцев, но он не давал нам каких-то особенных денег для журнала, а только такой же взнос как все другие. Никто нас не финансировал из-за границы. И журнал прекратил выходить, так как у нас не было своих достаточных ресурсов. Поэтому то она и выходила нерегулярно, пока не распродали все предыдущие номера. Да, Амадо Канеласа потом уволили из Prensa Latina, там были какие-то проблемы и даже суд. Я толком так и не знаю, какие у него были проблемы с кубинцами. С коммунистами у нас были хорошие отношения, но критические с нашей стороны. Мы никогда никого не критиковали лично, но стиль руководства КПБ, где всем заправляла тройка Марио Монхе, Хорхе Колле и Отеро. Амадо Канелас постепенно отошел от нас, он стал сотрудничать с другими людьми, увлекся изданием серии книг «Мифы и реальность боливийской экономики». Затем снова сблизился с MNR. Однако мы поддерживали хорошие личные отношения всегда. Он умер в 83 или 84 году. Он всегда и везде говорил и писал о Спартаке как о революционной группе. Наши отношения всегда были хорошими, несмотря на разногласия.

В. Что Вы можете сказать о Серхио Альмарасе⁴? Были ли связи с ним? Каково было его отношение к Кубинской революции? его отношение и ваше к аргентинцу Абелардо Рамосу, представлявшему синтез троцкизма и перонизма.

О. Труды Серхио Альмараса имеют большое значение в деле формирования революционной мысли в Боливии. Его книги о нефти в Боливии, его очень хорошая книга «Власть и падение», и наконец, «Реквием для республики» – очень ценные труды. Он был левым политиком. Я с ним лично не был знаком, но был близко знаком с его кругом. Он был большим другом Рене Савалеты. Когда Пас Эстенсоро назначил Рене Савалету министром горнорудной промышленности и нефти, тот убедил Альмараса сотрудничать в его министерстве. Так Альмарас, не будучи членом MNR, стал работать в правительстве Пас Эстенсоро. Это был худший период MNR. Продлилось недолго, так как произошел переворот Барьентоса, свергнувший Пас Эстенсоро. Альмарас был левым политиком, а с MNR его связывали личные отношения с Рене Савалетой, это были не политические связи. Он умер очень молодым. Что касается Абелардо Рамоса, то тогда мы все им увлекались, все читали его книги. Более всего привлекала его идея большой латиноамериканской нации. Мы постоянно дискутировали эти темы, но подходили к его выводам очень осторожно. Мы тогда в Спартаке отдельно обсуждали его работы, отмечали много привлекательного, но и его ограничения.

В. В этом контексте появления «национальной левой» рядом со Спартаксом появилась группа Октябрь (GRO) Андреса Солиса Рады, которая также была связана с Альмарасом?

О. Андрес Солис Рада в начале был членом компартии. Когда я был студенческим руководителем, он был членом руководства компартии, и тогда он был очень революционен. Я помню, что в январе 1963 г. (это исторический анекдот) мы вместе с ним

⁴ Серхио Альмарас Пас, политик, публицист. Первый генеральный секретарь Компартии Боливии в 50-е годы, затем порвал с коммунистами.

поехали на Кубу на празднование 4-ой годовщины революции. Это была боливийская делегация из 8 человек из компартии, профсоюзной федерации и другие. Это было время после ракетного кризиса, была полная блокада Кубы. Наша поездка была целой Одиссеей, пока через Мехико мы не добрались до Гаваны. Тогда мы познакомились с Че Геварой. Мы с Андресом Солисом Радой много беседовали с Че Геварой, который был министром промышленности. Мы беседовали где-то два часа с Че. Я об этом рассказал в одной из моих книг. Жаль только, что тогда не сфотографировался с ним (шучу). Солис тоже был с нами. Он тогда принадлежал к жесткому, ортодоксальному крылу партии. Он тогда спросил Че Гевару: думает ли он тоже самое сейчас в качестве министра, как тогда будучи партизаном, и те же у него идеи, что он изложил в книге «О партизанской войне». Потом Солис он дистанцировался от компартии, создал свою молодежную организацию Группу Октябрь. Солис порой занимал крайне радикальную и критическую позицию. Он идейно был близко Альмарасу. Несмотря на все внутренние споры, он всегда оставался левым политиком. Он был хорошим министром нефти в правительстве Эво Моралеса, при нем Эво провел национализацию нефти и газа. Он ушел из правительства из-за своего непростого характера. Когда у него была группа Октябрь, он издавал очень хорошую газету «El tiempo», и он сыграл важную роль в революционной борьбе.

В. Как Вы описали, Спартак вышел из MNR. А как Спартак относился к другим левым фракциям, покинувшим MNR, таким как Левая революционная националистическая партия (PRIN) Хуана Лечина⁵?

О. PRIN был партией, возникшей вокруг лидера, который боролся с другими внутри MNR. Она объединила левый сектор MNR, в которой был и правый сектор. Сначала у нас были хорошие отношения с ними, но никогда не удавалось организовать

⁵ Хуан Лечин Окендо – политик, синдикалист, лидер левого крыла партии MNR, глава Боливийского рабочего центра в течение более 30 лет.

совместные действия с ними. И не потому, что наши рабочие лидеры не ладили с лечинистами и Лечином. С ними были невозможны дискуссии по теоретическим подходам, у них просто таких не было. Амадо Канелас какое-то время был советником Лечина, и тогда с ним было удобно сотрудничать. Лечин сыграл огромную роль в профсоюзном движении горнорудных рабочих, но у него не было четких идей и политических взглядов.

В. Как вы считаете, можно ли характеризовать движение Спартак как явление латиноамериканской «новой левой»?

О. Да, безусловно, именно так. Это было левое движение в поиске интерпретации и понимания собственной национальной действительности. Мы четко осознавали цель движения – социализм, но в условиях конкретной борьбы той эпохи. Спартак был частью «новых левых», которые хотели преодолеть дефекты старых левых, стать своего рода связующим звеном, который объединит все левые организации, многие разобщенные из-за личных и других мелких конфликтов. Но увы, нам этого не удалось. Как и другие новые левые мы искали новые идеи. Таковой стала для нас теория зависимости, которая была сформулирована к 70-м годам. Ну и другие идеи.